

Она уже целовалась, но никогда не вслушивалась в этот процесс, каждый раз всё было внезапно, напряжённо, а мозг — пустым.

Лу Чжися причмокнула, сделав вид, что сожалеет, и в этот момент кто-то легко коснулся её плеча.

Она машинально обернулась — аромат губ накрыл её, и тело Лу Чжися мгновенно обмякло.

Конфета со вкусом шоколада.

Сладкая, но не приторная, вызывающая привыкание.

Фигура, скрытая в углу, оставалась незамеченной, время от времени доносился голос фотографа.

Если прислушаться, можно было отчётливо слышать щелчки затвора.

Грудь Лу Чжися вот-вот разорвётся, сердце, казалось, выпрыгнет наружу.

Всё тот же человек, но из-за того, что вокруг сейчас были люди, волнительное и возбуждающее чувство, будто она крадёт запретный плод, заставляло её тело слегка дрожать.

Её дыхание вот-вот прервётся. Шэнь Ваньцин отстранилась, нежно помассировала её мочку уха, дыхание коснулось уха:

— Дыши.

Лу Чжися была как рыба, выброшенная на берег, — кислорода не хватало, и чтобы выжить, ей приходилось жадно хватать воздух.

Она ещё не пришла в себя, когда Янь Фанхуа позвала их обеих.

Лу Чжися поспешно встала, чтобы пойти внутрь, но Шэнь Ваньцин её остановила.

— Что? — её голос был слегка охрипшим, с оттенком сексуальности, только взгляд был строгим.

Шэнь Ваньцин подняла руку, вытерла уголок её губ и спокойно напомнила:

— Следы помады.

Лу Чжися поспешно вытерла рот и пошла внутрь.

— Мама.

— Ты где пропадала? Принеси мне бутылку воды, я так устала от съёмок, — сказала Янь Фанхуа, но счастливая улыбка читалась во всём её облике.

Шэнь Тинъюнь был молчаливым человеком. Пока Янь Фанхуа пила воду, он покорно стоял рядом.

Когда она допила, он взял бутылку, закрутил крышку, достал из коробки бумажную салфетку и аккуратно вытер капли воды с её губ.

Фотограф воспользовался моментом, чтобы сделать снимок: высокий и мягкий мужчина, женщина с застенчивым взглядом — зрелище было просто потрясающим.

Лу Чжися стояла внизу. Её слегка затуманенный мозг начал приходить в себя, и она с эмоциями написала сообщение Шэнь Ваньцин: [Ты зачем тогда воспользовалась мной?]

[Сообщение отправляется.]

Шэнь Ваньцин ответила: [Ты сама меня спровоцировала.]

Лу Чжися вспыхнула от стыда: [Кто тебя спровоцировал?]

Ответ Шэнь Ваньцин был спокойным: [Ах, да, моя фотография тебя спровоцировала.]

Лу Чжися тайком отправила себе фотографию с телефона матери, но Шэнь Ваньцин это заметила. Сгорая от стыда, она ответила: [Я просто хотела показать свадебное платье одной подруге, которая собирается замуж. Я сейчас удалю.]

Шэнь Ваньцин: [Если удалишь, я расстроюсь.]

С той стороны долго писали, и в итоге пришло три слова: [Мне всё равно.]

Шэнь Ваньцин усмехнулась и больше не отвечала.

Лу Чжися возилась с телефоном. Та отвернулась и пошла к компьютеру, чтобы посмотреть ранее сделанные фотографии.

После съёмок фотограф с сожалением обернулся к ним:

— Вы не хотите сфотографироваться?

— Нет, — первой ответила Лу Чжися. Шэнь Ваньцин промолчала.

— Тинъюнь, давай сфотографируемся всей семьёй? — предложила Янь Фанхуа. Шэнь Тинъюнь согласился, Шэнь Ваньцин не возражала, и Лу Чжися пришлось присоединиться.

Шэнь Ваньцин выбрала чёрное длинное платье. Её изящная линия шеи напоминала благородного лебедя.

Одежду для Лу Чжися она тоже выбрала сама — под давлением матери она остановилась на белом платье.

В этот момент Лу Чжися в длинном платье выглядела более женственно.

Её кожа была светлой, хотя и не такой холодно-белой, как у Шэнь Ваньцин, но с розоватым оттенком.

Как сказал однажды врач: «У вашего ребёнка редкостное здоровье, это не просто отсутствие болезней, а настоящее здоровье».

Янь Фанхуа была очень довольна и, обращаясь к Шэнь Ваньцин, спросила:

— Скажи, она ведь красиво выглядит в платье? Она всегда любила бегать везде, всегда говорила, что платья неудобны.

Взгляд Шэнь Ваньцин был гораздо смелее, чем у Лу Чжися на кухне дома.

Её глаза приковались к ней. Лу Чжися, которая всегда носила повседневную одежду, в этот момент превратилась в шедевр божьего мастерства, неопишимо прекрасный.

Возможно, она тоже чувствовала лёгкую застенчивость, поэтому её взгляд опустился, а на щеках появился лёгкий румянец — всё было в меру.

Как спелый персик, соблазнительный и аппетитный. Шэнь Ваньцин вдруг захотелось фруктов.

Та сжала губы и промолвила:

— Красиво.

Шэнь Тинъюнь внимательно рассмотрел её. В белом платье она выглядела чистой и святой, её тёмные глаза были полны решимости, в них была какая-то необъяснимая сила.

— Действительно хорошо, — сказал он.

В памяти Лу Чжися было мало случаев, когда она носила платья, после работы она всегда выбирала строгие костюмы.

Белое длинное платье она надела впервые, и человек на фотографии казался ей самой незнакомым.

— Профессор Янь, давайте я вас сфотографирую, — предложила Шэнь Ваньцин.

Янь Фанхуа обрадовалась:

— Хорошо, дочка, иди сюда.

Янь Фанхуа была в хорошем настроении, и Лу Чжися заразилась её улыбкой — уголки её губ приподнялись.

— Дочка, ты тоже сфотографируй Ваньцин, — суетилась Янь Фанхуа.

После съёмок Янь Фанхуа пошла переодеваться, и кто-то у входа крикнул:

— Брат Ло, всё закончили?

Лу Чжися мельком взглянула, затем отвела взгляд, наклонилась, чтобы поднять сумку матери, и пошла назад.

Шэнь Ваньцин в темноте убрала телефон и тоже пошла переодеваться.

Семья из четырёх человек вышла уже к полудню.

— Пойдём поедим, — предложила Янь Фанхуа, и все согласились.

Они направились в ресторан западной кухни «Жиэр». Как раз сегодня там была скидка на шведский стол. Лу Чжися стояла у входа в зону скидок и долго смотрела:

— Я впервые вижу, чтобы в «Жиэр» были скидки.

— Правда? — Янь Фанхуа стояла рядом. — Ты хочешь шведский стол?

— Да, VIP-набор с морепродуктами, если я не ошибаюсь, стоит около 10 000, — Лу Чжися повернулась к матери. — Но с ними есть шведский стол, это нормально?

Мать и дочь тихо разговаривали у входа, когда зазвонил телефон Шэнь Ваньцин.

Мелодия была знакомой — Charlie Puth «Suffer», текст был довольно откровенным.

Шэнь Ваньцин, разговаривая по телефону за дверью, время от времени оглядывалась и спокойно сказала:

— Встретимся, когда я закончу с делами. Ты держись.

Она повесила трубку и вошла внутрь. Лу Чжися копошилась. Янь Фанхуа обернулась и улыбнулась:

— Закончила говорить?

— Да, — Шэнь Ваньцин стояла у рекламного щита со скидками. — Шведский стол — неплохой вариант.

— Правда? — Лу Чжися обернулась к ней, её глаза блестели.

Шэнь Ваньцин предложила поесть шведский стол. Шэнь Тинъюнь всегда был равнодушен к еде и согласился.

Четверо сели за стол. Шэнь Ваньцин сначала пошла к входу, затем обошла зону с фруктами.

Лу Чжися была в зоне морепродуктов. Она взяла живого лобстера в зону обработки, подождала и вернулась с лобстером в стиле «Бифэнтан».

Шэнь Ваньцин ела персик. Та удивилась:

— Есть фрукты на шведском столе — это редкость.

— Очень вкусно, — Шэнь Ваньцин подняла кусочек и протянула ей. — Попробуй.

— Что может быть вкусного в персике? — Лу Чжися не поверила, наклонилась, чтобы попробовать, но, встретившись с её разноцветными глазами, смутилась и взяла миску. — Положи сюда.

— В твоей миске вода, испортит вкус, — спокойно сказала Шэнь Ваньцин. — Давай быстрее, у меня рука устала.

Лу Чжися наклонилась и взяла персик — хрустящий и сочный.

Её щёки покрылись лёгким румянцем. Сладкий и прохладный вкус был действительно приятным.

Шэнь Ваньцин смотрела на неё, не отрывая взгляда. Лу Чжися опустила голову и, не смущаясь, сказала:

— Я знаю, что я красивая, но не нужно так пристально на меня смотреть. Мне всё-таки больше нравится лобстер.

Она не была привередлива в еде, но в основном предпочитала мясо. Одного большого лобстера ей было мало.

Янь Фанхуа и Шэнь Тинъюнь тоже вернулись — с японскими блюдами из сёмги.

Шэнь Тинъюнь положил толстый кусок сёмги перед Шэнь Ваньцин:

— Я тебе взял.

Шэнь Ваньцин поблагодарила и продолжила есть персик.

За столом Шэнь Тинъюнь был тихим, зато Янь Фанхуа и Лу Чжися много разговаривали, время от времени обращаясь к Шэнь Ваньцин, так что за столом не было скучно.

— Я помню, как ты в последний раз вернулась на конференцию и ела здесь. Я приехала, но не смогла тебя увидеть, — с сожалением сказала Янь Фанхуа. — Хорошо, что ты ушла из Департамента переводов, мама теперь может тебя чаще видеть. Но иногда думаю, что Департамент переводов — это хорошее место.

— Мама, — Лу Чжися сменила тему. — Я тебе скажу, самое вкусное, что я здесь ела — это краб мацуба. Его икра и печень японцами считаются деликатесом, как драконья печень и фениксовый мозг.

Янь Фанхуа кивнула:

— Но сегодня, кажется, его нет.

— Он дорогой, на шведском столе его не подают, — Лу Чжися взглянула на Шэнь Ваньцин. У той был маленький аппетит, после нескольких персиков и японских блюд она положила палочки и стала возиться с телефоном.